УДК 3.09-821.161.1
DOI: 10.17223/19986645/68/10

В.Ю. Баль

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ГОГОЛЯ: МЕЖДУ ДВУХ КАНОНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ПИСАТЕЛЯ В 2009 г.). Статья 1

Актуализируется проблема литературной репутации Н.В. Гоголя на перекрестке двух литературных канонов – русского и украинского. На материале юбилейных событий в 2009 г. прослеживаются механизмы канонизации и деканонизации Гоголя в пространстве украинской литературы и реактуализации статуса Гоголя в русском литературном каноне. Выявлены три стратегии формирования реноме Гоголя в русском и украинском культурных пространствах на материале юбилейных издательских проектов.

Ключевые слова: *Н.В. Гоголь, литературный канон, юбилей, социология литературы.*

В свете идей социологии искусства, активно разрабатываемых в современной гуманитаристике, сформировалось устойчивое представление о необходимости осмысления литературы как социального института – систему ролей, отношений и каналов коммуникации. Эта исследовательская установка во многом базируется на «теории полей» французского социолога П. Бурдье [1]. Одними из частных вопросов социологии искусства являются необходимость изучения динамического и исторического характера репутаций писателей и механизмов формирования и бытования национального литературного канона. В исследовательском фокусе данной статьи будет находиться проблема литературной репутации Гоголя на рубеже XX–XXI вв. как писателя, существующего на стыке двух канонов – русского и украинского. Проблема не новая и уже получившая пунктирное осмысление в целом ряде работ, в которых намечены различные методологические пути ее решения [2–12]. Эта статья ориентирована на выявление с опорой, прежде всего, на методы и подходы социологии искусства литературной репутации Гоголя, формируемой в русском и украинском контекстах институциональными читателями, являющимися представителями разных «полей».

Постановка обозначенной проблемы в рамках нашей статьи требует ряда предварительных замечаний.

Первое замечание связано с обоснованием избранной хронологии материала. В нашем случае критерии выбора рубежа XX – начала XXI в., ознаменованного проведением 200-летнего юбилея классика, вполне предсказуемы. Во-первых, в выбранный хронологический период повторилась культурная ситуация рубежа XIX–XX вв., которой было свойственно напряженное и интенсивное перечитывание и переписывание классики в противовес экстенсивному чтению. Этот процесс неизбежно запустил ме-

ханизм смысловой ревизии художественных текстов, входящих в национальный литературный канон. Причем в этом механизме проявилось смещение с предмета – канона на метод – принцип составления канона, а точнее, критерии отбора писателей и их произведений. Во-вторых, юбилей – это знак «классикализации» писателя. Методологически данная событийная избирательность вполне оправдала себя и нашла отражение в целом ряде исследовательских работ, связанных с юбилейной репутацией писателей в целом [13–17] и Гоголя в частности [18–24].

Второе замечание связано с объемом понятия «литературная репутация», с одной стороны, и методологическими подходами к ее выявлению – с другой. Российские исследовательские практики двух последних десятилетий опираются на теоретические разработки И.Н. Розанова [25]. Методологически важными для отечественных исследовательских практик в области социологии литературы являются также работы А.И. Рейтблата и Б.В. Дубина [26–29]. Современные исследователи в этом направлении развивают идеи социального, исторического, динамического и процессуального характера литературной репутации, находящейся в прямой зависимости от оценок представителей культурного пространства. Проблема литературной репутации в современных зарубежных исследованиях – частный случай более широкой сравнительно новой области исследования – социологии репутаций. Это направление развивается в работах специалистов по экономической социологии, социологии искусства, политической социологии, социологии цифровых коммуникаций и интернета, социологии города и т.д. [30]. В рамках этого научного направления сформировался ряд устойчивых теоретико-мето-дологических идей, которые применяются для рассмотрения репутаций самых разных личностей – политиков, представителей творческих профессий, общественных деятелей и проч. Зарубежные исследователи, также ориентируясь на институциональную и историческую теории, не принимают спонтанные теории «репутации-отражения». В исследовательский оборот попадают как прижизненные репутации, так и посмертные, учитываются их социальная относительность, локальный и временной характер.

Третье замечание связано с понятием «литературного канона» («Canon Theory») и исследовательскими механизмами анализа его формирования и функционирования, которые оформились в «культурных войнах» («Canon Wars») в американской академии[1]. Интересом, прямым следствием которого стало оформление двух основных теорий канона: социологической[2] и аксиологической[1].

---

[1] М. Гронас отмечает, что война за канон в американской академии в свете идей о культуре как религии Нового времени воспринималась как «цивилизованный» аналог религиозной войны. Это отношение определило факт замены привычного термина «классика» термином «канон» по аналогии с каноном Священного Писания [31].

[2] Первоначально **социологическая теория канона** нашла отражение в работе Д. Гиллори [32]. Канон в понимании Гиллори – это собрание канонических текстов, которые являются примером языковой и риторической нормы и как следствие претен-

Точкой отсчета в размышлениях о литературном каноне в российском научном пространстве является не острое столкновение «каноноборцев» и «канономольцев», а актуализация вопроса об идее классики и её социальных функциях. Сегодня теория канона в отечественных научных штудиях связана с рассмотрением истории формирования русского литературного канона [35]. Есть ряд работ, ставящих проблему воспроизводства канонического состава литературы в современной культурной ситуации [36–44]. Вопрос литературной репутации писателей, входящих в литературный канон, пока изучен слабо. Можно выделить работы, посвященные Пушкину [17[2], 29], а вопросу гоголевской репутации посвящена работа зарубежного исследователя Салли Моллер [24]. Исследователь прослеживает этапы посмертной биографии писателя до эпохи большого террора, когда он был включен в линейку «литературных генералов», которые должны были выступать примерами для формирования «большого стиля».

Четвертое замечание связано с пониманием того, что пограничный этнический и культурный статус Гоголя, рассматриваемый в плоскости канонической репутации, – это частный случай русско-украинского вопроса. Вопроса, который является необычайно сложным и полемическим в исторических исследованиях. В рамках нашего исследования мы опираемся на работы российского историка А.Л. Миллера [45, 46]. Работы исследователя важны, во-первых, для понимания механизмов и сценариев взаимоотношений этнических групп между собой и властями в пространстве Российской империи; во-вторых, для представления о многогранности русско-украинского вопроса. Вопроса, в котором столкнулись «проект» Российской империи, объ-

---

дуют на доминирование. Исследователь обозначил «университетоцентризм» как образовательный институциональный механизм функционирования канона.

[1] Впервые аксиологическая идея канона была представлена в работе Ч. Альтиери [33]. Для исследователя канон – культурная матрица этических норм, соперничающая с другими ценностными системами. Книга Г. Блума [34], приобретшая репутацию бестселлера, созданная с опорой на теорию аксиологического канона в его эстетическом изводе, предлагает версию западного канона, основанную на теории сильного автора (теории литературного влияния).

[2] М.В. Загидуллина в своей работе усиливает теоретический фильтр разграничения понятий «литературная репутация» и «писательский миф». Репутация для исследователя – это явление динамического порядка, она может быть прижизненной и посмертной, быть ограниченной временем, пространством и социальным контекстом и бытовать именно в письменной форме. Она зависима от культурных и идеологических ценностей, формируется признанными в обществе авторитетами, создающими тексты-медиаторы. Проблему писательского мифа Пушкина исследователь рассматривает в свете теории мифов Нового времени, «когда объект проекции (автор классических текстов) выступает в качестве носителя высших ценностей и откровений (Пророка)» [17. С. 9]. М.В. Загидуллина подчеркивает, что «пушкинский миф национального масштаба един, поскольку в его основе лежит признание Пушкина в национальном классическом пантеоне» [Там же]. В этом смысле, по мнению исследователя, миф о писателе статичен, однозначен и непротиворечив, возможен в ситуации всенародной национальной известности среди большого количества социальных контекстов и воспроизводится в устной форме, приобретая шаблонно-стереотипные формулы.

единявший всех восточных славян, и комплекс нациестроительных воззрений, сформировавших базу украинского национализма.

Исследование Т. Мартина [47] дает представление о проблеме взаимодействия отдельных этнических групп и властей в период советской власти. Исследователем всесторонне рассмотрена уникальная масштабная политика советской власти – «коренизация», одним из частных примеров которой является украинизация в период с 1920-х до середины 1930-х гг.

С методологической точки зрения для нашего исследования важны работы В.С. Киселева и Т.А. Васильевой [48–50]. Совмещая принципы литературоведческой и исторической имагологии и сосредоточиваясь на анализе идеологического, социокультурного и художественного контекстов, они вносят уточнения в понятия, используемые в нашем исследовании: нациестроительство, национальная и региональная идентичность, культурно-исторический канон.

Вопрос об украинском литературном каноне как о цели современной украинской культурно-политической стратегии и предмете исследовательской рефлексии достаточно сложен. Общим местом в научной рефлексии украинской гуманитаристики, по аналогии с российскими научными штудиями о фигуре Пушкина, стал вопрос о Шевченко как сердце украинского канона [51–55].

Национальной чертой «русской» теории канона, находящей отражение в школьном курсе литературы, является условное разделение его на две части: канон XIX в. и канон XX в. Ю.М. Лотман справедливо отметил, что «русская литература между Пушкиным и Чеховым представляет собой бесспорное единство» [56]. Вполне очевидно, что русский литературный канон – пушкиноцентричен, что находит отражение в программах по литературе. Канон XX в. – это открытый и дискуссионный вопрос. Своеобразную попытку ответа на него представляют работы И.Н. Сухих [57]. Основной принцип формирования литературного канона отражает влияние «поля власти» на «поле образования», которое происходит через ФГОС по литературе. ФГОС по литературе не содержит списка художественных произведений, но дает критерии их отбора. В этой его рекомендательной части обнажается аксиологическая теория канона, связанная с нравственно-духовным и патриотическим воспитанием российских школьников на примере литературных произведений[1]. Формирование украинского литературного канона осуществляется также под влиянием «поля власти», которое воздействует на «поля культуры», «науки» и «образования». В этом смысле все государственные программы ориентированы на украиноцентристскую концепцию образования, в которой важное место занимает литература как предмет, который может быть нагружен этическими и эстетическими образцами. Украинский школьный литературный канон формиру-

[1] Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 413 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования». URL: https://fgos.ru/ (дата обращения: 10.12.2019).

ется на стыке двух стратегий. С одной стороны, его создатели отказываются от ядра русской классической литературы, которая переводится в статус зарубежной, что отражает культурные практики постсоветской украинской реальности. С другой стороны, проявляются и «каноноборческие» тенденции – значительное место в литературном образовании Украины занимают не прошедшие проверку временем произведения современной украинской и зарубежной литературы. Что идет вразрез с идеей классики как базовым компонентом преподавания литературы в школе.

В целом украинское «канонотворчество» и российское «каноносохранение» роднит представление о нациесозидающей и нациеобъединяющей идее литературы. В рамках нашей статьи разговор о школьном литературном каноне будет лишь исходной точкой для рассмотрения литературной репутации Гоголя на перекрестке двух культурных пространств. В российской примерной программе основного общего образования по литературе для образовательных учреждений с русским языком обучения Гоголь – это безусловный национальный классик, к произведениям которого обращаются в разных классах. В 5–6-х классах это повесть «Ночь перед Рождеством» (на выбор учителя допускается и другая повесть), в 7–8-х классах «проходят» повесть «Тарас Бульба», комедию «Ревизор» и повесть «Шинель», в 9-м классе рассматривается поэма «Мертвые души» (том 1). Можно говорить о монографическом подходе к изучению творчества Гоголя, дающего представление о разных его этапах. Поэма «Мёртвые души», венчающая изучение гоголевского творчества в школьном курсе литературы, создаёт репутацию Гоголя как национального писателя, выразившего пронзительную глубину размышлений о национальном мире.

В украинском образовательном пространстве с начала 2000-х гг. существуют программы для обучения в школах на русском языке и отдельно на украинском[1]. В программе для украиноязычных школ есть курсы зарубежной и русской литературы, для русскоязычных школ – украинской и совместный курс русской и зарубежной литературы. Изучение творчества Гоголя в обоих направлениях происходит в курсе зарубежной литературы. Рассматриваются повесть «Ночь перед Рождеством», комедия «Ревизор» и повесть «Шинель» (для дополнительного чтения предлагаются «Портрет» и «Нос») и поэма «Мертвые души». Исключение составляет повесть «Тарас Бульба». В программе для украиноязычных школ повесть изучается в курсе украинской литературы и в переводе на украинский язык[2], а русскоязычные школы изучают ее в оригинале.

---

[1] Информация на момент написания статьи взята с сайта Министерства образования и науки Украины: URL: https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-5-9-klas; https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-dlya-10-11-klasiv (дата обращения: 10.12.2019).

[2] Это перевод Н. Садовского и М. Рыльского в редакции И. Малковича. Об этом переводе мы расскажем далее.

Таким образом, обзор школьного канона обнажает школьное образование как подсистему репродукции интерпретационных смыслов канона национальной литературы. В случае с обоими контекстами, российским и украинским образованием, наблюдается, с одной стороны, отказ от рецептов социологического литературоведения, с другой – актуализация риторики неотрадиционализма для интерпретации канонических художественных произведений. Во многом последняя тенденция определяет избирательный подход в отношении гоголевских произведений как базовых для школьного литературного образования: Украина – это повесть «Тарас Бульба», Россия – повесть «Шинель», комедия «Ревизор» и поэма «Мертвые души», именно они занесены в кодификаторы для подготовки к ЕГЭ. Хотя изучение повести «Тарас Бульба» также предусмотрено программой.

Система школьного преподавания – это важный инструмент для формирования национального института литературы, но она скорее по своему функционалу вторична, так как является своеобразной «группой поддержки» создателей новых культурных смыслов, воспроизводя их. Мы попытаемся рассмотреть вопрос литературного канона как проблему, существующую за пределами школьного канона и связанную с гипотетическими конструктами институализированного читателя. При расхождениях между русским и украинским школьным каноном можно наблюдать типологическую схожесть в отношении литературной репутации Гоголя в пространстве Больших канонов.

Беря в исследовательский оборот теорию сильного автора Г. Блума, мы можем выявить следы Пушкина и Шевченко в литературной репутации Гоголя. Само вхождение Гоголя в оба литературных канона сопровождалось разными типами отношений со старшими коллегами по цеху. Элемент канонического соперничества, но не в плоскости личных отношений, а в плоскости размышлений сторонних наблюдателей об их роли в отечественном литературном процессе, можно отметить между Гоголем и Пушкиным. Согласно справедливому замечанию И. Розанова «Бог-отец» литературного пантеона – В.Г. Белинский. Комплексное рассмотрение это замечание получает в работе А. Вдовина, который определяет В.Г. Белинского как «организатора» русской словесности 1830–1840-х гг. [58. С. 21–90]. Наблюдения современного исследователя связаны с литературно-критической деятельностью «неистового Виссариона». Именно Белинский обозначил завершение пушкинского периода в русской словесности («литературную смерть» Пушкина) и присвоил Гоголю статус «глава литературы». Такой почетный статус от Белинского Гоголь получает как автор «Вечеров» и «Миргорода» [Там же. С. 34–52]. Но к тому времени, когда «неистовый Виссарион» в последнем литературно-критическом обзоре лишил Гоголя титула «глава литературы», сам Гоголь уже достаточно активно сформировал о себе миф с элементом трикстерского сюжета как о непосредственном наследнике Пушкина. Открыто обыгрываемое писательское самозванство Гоголя было связано с его признанием о щедрости Пушкина на сюжеты, из которых выросли комедия «Ревизор» и поэма «Мертвые души».

Иначе выглядят основания для вхождения Гоголя в украинский национальный канон. В.Я. Звиняцковский отмечает, что первоначальная инициатива включения Гоголя в украинское культурное пространство принадлежала Шевченко, который на тот момент обладал уже бесспорным поэтическим авторитетом: «Тарасу Шевченко канонизированный украинский Гоголь, в качестве его «великого друга и брата», был необходим именно для полноты канона рождающейся украинской литературы» [4]. В процессе этой канонизации Шевченко созидает репутацию Гоголя как автора «Вечеров» и «Миргорода», типичного «украинского романтика», чтящего старинную казацкую «волю» [4]. Как можно заметить, на начальном этапе включения Гоголя как в русский, так и в украинский канон осуществляется внутрицеховая канонизация. Институциональные читатели в лице литературного критика – Белинского и первого поэта нации – Шевченко ввели Гоголя в литературный пантеон. В целом их выбор прошел проверку временем, но в то же самое время подверглось корректировке обоснование присутствия Гоголя на обоих литературных иконостасах на рубеже XX и XXI вв.

Литературный юбилей как социальный жанр занимает особое место среди остальных коммеморативных практик. Всего в истории юбилейных практик, как российских, так и украинских, можно выделить три периода.

Первый период – это дореволюционные коммеморативные практики, связанные с установкой памятников писателям и проведением по этому поводу торжественных мероприятий. В случае с пантеоном русских писателей точкой отсчёта становятся пушкинские торжества 1880 г. Пушкинский памятник открывает страницу «памятникам гражданским лицам, условно говоря, учителям» [59. С. 8–9]. Причем установка Пушкинского памятника в 1880 г. сопровождается торжественными мероприятиями, в которых начинает оформляться ритуальный сценарий будущих юбилейных праздников. Как отмечает М. Левит, «сам тип “литературного праздника” был заимствован из-за границы и восходил, по меньшей мере, к знаменитому Шекспировскому юбилею, проведенному в 1769 г. Д. Гарриком и впоследствии служившему образцом для других подобных празднеств, которые к 1880 г. стали обычными на сцене европейской культуры» [60. С. 8].

Установка юбилейных памятников Пушкину в украинском пространстве[1] происходит на фоне усилившейся языковой ассимиляции, которая не носила массовый характер на практике, но была достаточно четко прописана в правительственных документах властей Российской империи. В 1880 г. была предпринята попытка пересмотра Эмского указа, который, несмотря на отсутствие единства российской бюрократии в подходе к «украинскому вопросу», не был изменен. Более того, в царствование Александра III цензурная политика в отношении украинских изданий стала более жесткой, и, как следствие, Эмский указ оставался в силе вплоть до революции 1905 г. [45].

---

[1] Памятники Пушкину были установлены: Одесса – 1889 г., Киев – 1899 г., Харьков – 1904 г.

В продолжение разговора о Пушкине как о сердце русского канона следует упомянуть об отмене юбилея Шевченко в 1914 г. Это решение было обусловлено целым рядом фактов биографии Шевченко, в том числе участием в Кирилло-Мефодиевском обществе, члены которого подверглись репрессиям со стороны царского правительства. Причем, как отмечает А.Л. Миллер, жестокость наказания Шевченко во многом была связана не только с его членством в братстве, но и с авторством стихов, звучавших оскорбительно для царской семьи. Их Николай I воспринял как личную неблагодарность «холопа», выкупленного при его участии из крепостной зависимости. Но можно заметить, что отмена юбилея имела и знаковый характер в ситуации нарастания украинского национализма в этот период.

Так обозначилось вмешательство «поля власти» в «поле литературы». Оно во многом стало реакцией на запуск механизма литературного каноностроительства как в русском, так и украинском варианте.

Второй период – это советские культурные практики, сформировавшие свой регламент литературного юбилея.

Юбилейные ритуальные практики писателей на Украине, как и в других союзных республиках, в этот период складываются в достаточно своеобразных условиях.

С одной стороны, в 1920-ех– первой половине 1930-х гг. осуществляется политика «коренизации», в рамках которой одной из главенствующих тенденций стала украинизация пространства, административно подчинённого УССР. Именно в это время в рамках осуществляемой «культурной революции» созидается пантеон национальных писателей союзных республик. На Украине таковым стал культ Шевченко. Именно его советская культурная политика определила на роль классика украинской литературы.

С другой стороны, с конца 1930-х гг. заканчивается политика «империи положительной деятельности» (Т. Мартин), которая теперь клонится к «реабилитации» русской культуры и повышению её статуса и значения во всем СССР. В этом смысле глубинный символический смысл имеет пышное празднование Пушкинского юбилея в 1937 г. Гоголевский юбилей в 1952 г., посвященный 100-летию со дня смерти, тоже прошел с необычайным размахом. Советским правительством была сделана ставка на сатирическое перо писателя. Д.Р. Невская в своей статье приводит отрывок из статьи газеты «Правда», в которой настойчиво подчеркивается, что Гоголь вслед за Пушкиным посвятил свой талант разоблачению уродств эксплуататорского строя [18. С. 130]. В целом юбилейная логика этого периода явила очевидное «присвоение» русских классиков XIX в. для политической пропаганды.

Третий период связан с возрождением традиции литературного юбилея в начале 2000-х гг. после затишья постперестроечной эпохи, ставшего реакцией на идеологически нагруженные советские примеры чрезмерного использования этого социокультурного конструкта. В данной ситуации реактуализации прежних культурных практик безусловно произошли жанровые трансформации юбилея. В обеих странах проявляется реставраци-

онная тенденция «огосударствления юбилеев» и использования их в политических целях.

Нновой вехой российской практики прахднования литературных юбилеев можно опять считать юбилей Пушкина, который с грандиозным размахом отмечался в 1999 г. Масштабное чествование «солнца русской поэзии», достигшее общенационального размаха, стало логическим продолжением Указа Президента РФ «О 200-летии со дня рождения А.С. Пушкина и установлении Пушкинского дня России». В этом контексте вновь актуализировались управленческие механизмы подготовки юбилеев классиков: составление плана мероприятий специально организуемыми комитетами и его реализация на средства государственного бюджета.

Форма юбилея имеет не меньшее значение и для украинского пространства. Но акцент больше смещен в сторону исторических и политических деятелей, избираемых «полем власти» для конструирования национальной идентичности. Этот вектор вполне очевиден в ситуации обретения Украиной государственной независимости и изначального дистанцирования от интеграционных тенденций на пространстве СНГ. В случае же с литературным юбилеем в лидерах – Шевченко, определяемый как главный певец независимой Украины. Вполне очевидно, что фигура Кобзаря является ключевой в нациестроительной идее украинского литературного канона.

Гоголевский 200-летний юбилей в 2009 г. стал не только событием государственной важности для России и Украины, но и приобрел мировое значение. Юбилейный год был объявлен ЮНЕСКО Годом Гоголя. Но несмотря на это масштабирование статуса виновника торжества, дискуссии в СМИ как российских, так и украинских были сфокусированы на вопросах именно межнационального подтекста грядущего события: Гоголь русский или украинский писатель, юбилей русского и украинского классика будет отмечаться, совместно или раздельно будут праздновать Россия и Украина и т.д.[1] В этом смысле политическое и культурное реноме Гоголя попало в поле крайне напряженных политических отношений между Россией и Украиной. Гоголевский юбилей стал оружием в информационной войне между двумя странами особенно в 2009 г. В случае с обоими национальными контекстами происходило увеличение символического политического капитала Гоголя, нужного для «поля власти». В итоге Гоголь в свой 200-летний юбилей, как и любой другой писатель русской и украинской литературы, попал

[1] Помимо внешнеполитических проблем в СМИ активно обсуждались и «внутригосударственные» проблемы празднования гоголевского юбилея. В российской прессе большой резонанс приобрело обсуждение плана юбилейных мероприятий. В процессе подготовки обнажилось противоречие между оргкомитетом, созданным правительством РФ, и Региональным общественным фондом сохранения творческого наследия Н.В. Гоголя, президентом которого является И. Золотусский. Суммируя все замечания И. Золотусского в отношении программы празднований, можно сказать, что столкнулись два возможных подхода в современной культурной ситуации к празднованию юбилея: развлекательно-популяризаторский со стороны оргкомитета от правительства и академический, продвигаемый фондом.

не только под струю очищения своей литературной репутации от вульгарных социологических идеологем, но и в ситуацию смысловой ревизии реноме классика, входящего в национальный литературный канон. Естественным образом фигура Гоголя, обладающего пограничным этнокультурным статусом, оказалась на стыке двух канонов – русского и украинского. В пространстве юбилейных российских практик вопрос о возможности исключения Гоголя на основании его польско-украинских корней не поднимался. Особую сложность приобрел вопрос украинского канона, как уже было нами отмечено выше, в силу необходимости его формирования в ситуации опоры на национальную идентичность при формировании государственной идеи современной Украины.

Предъюбилейные украинские дискуссии порой балансировали на грани между украинизацией и деукраинизацией Гоголя. События гоголевского 200-летнего юбилея, проявившийся вокруг них смысловой континуум стали логическим продолжением не юбилейных событий 1952 г., а именно 100-летнего гоголевского юбилея. Первого юбилея, который обозначил ключевую черту гоголевской литературной репутации, связанной с его этнокультурной раздвоенностью [18]. Украинская мысль, формирующая репутацию Гоголя в плоскости, отстоящей от советской интерпретации, происходит в диаспоре украинской эмиграции. Достаточно подробное и объективное освещение этот срез украинской гоголианы получил в обзорных статьях Ю.В. Барабаша [61–65]. Общий пафос этой диаспоральной версии гоголевской репутации – это сосредоточенность на раздвоенности Гоголя, которая рассматривается и как беда, и как вина писателя, и изучение факта этой раздвоенности происходит в фокусе вопросов украинской национальной идентичности.

В период 200-летнего юбилея вопрос гоголевской культурной и этнической идентичности приобретает масштаб научной проблемы в свете популярности постколониальных исследований. В этом смысле именно научный институциональный контекст стремится предложить объективную интерпретацию культурно-языковой пограничности Гоголя. Как отмечает Ю.В. Барабаш, вся история украинской гуманитаристики, посвященной гоголевскому вопросу, начиная от украинского «эмигрантского», продолжая «диаспоральным» контекстом и завершая современными научными штудиями, постоянно колеблется в пространстве между «антиколониальными», «колониальными» и «постколониальными» версиями прочтения гоголевской дихотомии [64]. Но по факту все не так благополучно, как хотелось бы. В обзорных статьях, посвященных гоголевским штудиям юбилейного периода [5, 6, 66, 67], обозначились разные тенденции украинского и российского гоголеведения. Ведущие научные центры по изучению гоголевского наследия – это Гоголевский центр в Нежинском государственном университете им. Николая Гоголя (Украина, г. Нежин) и Дом Гоголя (Россия, г. Москва). С переменным успехом в современной напряженной политической ситуации центры стараются сохранить научные связи. Редким исключением является проведение совместной 14-й Междуна-

родной конференции «XIV Гоголевские чтения: Творчество Гоголя в диалоге культур», которая состоялась в 2014 г. В остальном же состав участников ежегодных гоголевских конференций обоих центров однороден: российский исследователь – «редкая птица» в программе украинских гоголевских чтений, и наоборот.

Тематический диапазон конференции высвечивает разницу между «гоголеведением» и «гоголезнавством». В силу вполне очевидных причин особое место в работе ежегодных нежинских чтений занимает секция «Гоголь и украинская культура / литература». И. Булкина отмечает, что пик интереса к «украинскости» Гоголя обозначился в научной украинской гоголиане в череде юбилейных конференций: «Излишняя ангажированность современного украинского гоголеведения, его сосредоточенность на проблемах не столько историко-литературных, сколько национальных, перенос современных культурных и политических категорий в совершенно иного порядка исторический контекст не лучшим образом сказываются на качестве работ украинских литературоведов» [66]. В то же время И.И. Колесник подчеркивает, что базовый недостаток российского гоголеведения – абстрактный анализ и оценка гоголевского творчества в отрыве от национальных корней и почвы писателя [67. С. 138]. Очевидно, что украинский вопрос – это не центральный вопрос российских гоголеведов. В конференциях Дома Гоголя акцент делается на масштабности и феноменальности творчества Гоголя – его вписанности в мировое культурное пространство и отзвуках его наследия в различных контекстах (славянский, современная культура, русское зарубежье, общественная мысль и проч.)[1]. В общем, говорить о приобретении в научном контексте единого либо русского, либо украинского ключа для расшифровки гоголевского пограничного культурного статуса не приходится. На текущий момент можно обозначить лишь возможную перспективу разработки постколониального российско-украинского гоголеведения.

Но в череде юбилейных мероприятий обнажилась не только научная институциональная версия гоголевского творчества в формате сборников научных конференций и монографий, но и в виде собраний сочинений Гоголя как результате научных изысканий гоголеведов. Подготовленные к юбилею гоголевские собрания сочинений представляют для нас интерес как верный знак состоявшейся и продолжающейся классикализации и канонизации писателя. Гоголевский издательский сюжет в юбилейные даты получился весьма разнообразный. Выделились три крупных издательских проекта, каждый из которых претендовал на новое слово в эдиционной гоголевской судьбе.

Первый издательский проект – это Полное академическое собрание сочинений и писем в 23 томах под редакцией Ю.В. Манна. Работа над этим проектом началась еще в середине 1990-х гг. на базе Института мировой

[1] Подробно с материалами всех конференций можно ознакомиться на сайте музея: http://www.domgogolya.ru/readings/

литературы им. М. Горького Российской академии наук и продолжается сегодня. К гоголевскому юбилею были выпущены – том 1 (2001 г.), том 4 (2003 г.), том 3 (2009 г.), а на настоящий момент – том 7 в двух книгах (2012 г.) [68]. Ю.В. Манном при описании общей концепции Полного собрания сочинений подчеркивается несколько важных позиций. Во-первых, «насущное требование к новому изданию – внимание к сегодняшней ситуации, определяющей место Гоголя в современной мировой культуре» [69. С. 205]. Во-вторых, в Полное собрание сочинений составители стараются включить все, что не только написано Гоголем и то, что ранее не было опубликовано в Полном академическом собрании сочинений[1]. Запланирован отдельный том «Рукою Гоголя», в котором будут собраны произведения, имеющие определенную печать вмешательства Гоголя, хотя и не принадлежат ему. В-третьих, научный аппарат издания – это коллективный труд авторитетных филологов-гоголеведов, которые при комментировании произведений учитывают всю палитру исследовательских версий. В-четвертых, при подготовке этого издания проводится тщательная текстологическая работа, которая позволяет проанализировать соотношение различных редакций и тем самым выявить «развитие гоголевской художественной мысли» [Там же]. Исключительно положительный отзыв о масштабной текстологической работе, проделанной в процессе подготовки издания поэмы «Мертвые души», дает Рита Джулиани, итальянский славист: «Том, посвященный поэме “Мертвые души”, стал подлинным триумфом филологии, и это утверждение – не только дань уважения гениальному автору, это и дань восхищения научным подвигом его издателей и комментаторов» [70. С. 380]. Многочисленные отклики зарубежных коллег на этот масштабный научный издательский проект, которые приводит Ю.В. Манн в своей статье, верный знак признания Гоголя в мировом научном поле.

Второй крупный издательский проект – это Полное собрание сочинений Гоголя в 17 томах [71], подготовленное с опорой на исследовательские подходы православного гоголеведения[2]. Это был совместный русско-украинский проект, осуществленный под протекцией Московской Патриархии. В отличие от предыдущего собрания сочинений он завершен. Первые тома были опубликованы в юбилейный 2009 г., а последние в 2010 г. Это издание также заявлено как полное: оно включает все художественные, литературно-критические, публицистические и духовно-нрав-

[1] В исследовательский контекст в советскую эпоху было включено Полное собрание сочинений в 14 т., выпущенное под редакцией Н.Л. Мещерякова, АН СССР, Институтом литературы (Пушкинский Дом) в 1937–1952 гг. Полнотой это собрание сочинений не отличалось. «Воинствующий атеизм», нашедший отражение и в литературоведческих принципах, определил исключение из корпуса гоголевских текстов последнего «заветного сочинения» – «Размышлений о Божественной Литургии».

[2] Это направление отечественного гоголеведения связано с именами таких исследователей, как И.П. Золотусский, В.А. Воропаев, И.А. Виноградов. Впервые этот термин был предложен П.В. Михедом [72].

ственные произведения писателя. В состав собрания сочинений включены незавершенные произведения, записные книжки, черновые записи по истории, фольклору, истории и этнографии, выписки из творений Святых отцов и их Служебных миней. В.В. Лепахин отмечает, что уникальные качества издания связаны со свойствами представленных в нём комментариев. Во-первых, «к особенностям комментария надо отнести заметный акцент на духовно-христианской проблематике всего творчества Гоголя» [73. С. 65]. Во-вторых, «впервые столь тщательно и подробно прокомментированы ботанические интересы и занятия Гоголя, опубликован прекрасный по качеству цветной вкладки гербарий, собранный Гоголем» [Там же]. В-третьих, «профессионально прокомментированы духовно-нравственные сочинения писателя. Особенно выделяется богословский комментарий к «Размышлениям о Божественной Литургии», специально подготовленный для данного издания; в нём учитывается современная богослужебная практика» [Там же]. Достаточно подробно описана концепция этого собрания сочинений В.А. Воропаевым, подчеркивающим, что «вышедшее издание не является академическим (нет свода вариантов по разным редакциям), но творческое наследие писателя представлено в нем максимально полно. Учтены не только все редакции произведений Гоголя, но и расписки банкирам, домовладельцам (некоторые печатаются впервые по автографам), альбомные записи, дарственные надписи на книгах, многочисленные травники и ботанические записи, конспекты книг по географии и этнографии» [74. С. 430].

Состав рабочей группы по изданию этого Собрания сочинений не отражает объединение научных усилий российского и украинского гоголеведения – составителями и комментаторами выступили российские ученые В.А. Воропаев и И.А. Виноградов[1]. Состав рабочей группы свидетельствует о доминировании «поля религии» над «научным полем». Церковь не только выступила идейным вдохновителем этого издательского проекта, но и самостоятельно нашла источники для его финансирования. Подготовка собрания сочинений осуществлялась при поддержке благотворительного фонда «Богуслав» (Киев) и Некоммерческого партнерства «Полтавское землячество» (Москва). Помимо российских литературоведов в рабочую группу вошли протоиерей Владимир Силовьев, главный редактор Издательства Московской Патриархии, и В.С. Анисимов, пресс-секретарь Украинской православной церкви. Базовой издательской площадкой выступило Издательство Московской Патриархии, но также были привлечены сотрудники из издательств «Художественная литература» и Сретенского монастыря. Разговор о данном Собрании сочинений можно вести, с одной стороны, с его точки зрения на личность Гоголя как писателя-

[1] Во многом этот издательский проект стал продолжением предыдущего 9-томного Собрания сочинений Н.В. Гоголя, которое было выпущено в 1994 г. Составителями и комментаторами этого Собрания сочинений выступили В.А. Воропаев и И.А. Виноградов [75].

христианина, инока в миру. В приветствии к читателям Полного Собрания сочинений Святейший Патриарх Кирилл на официальном сайте Московского Патриархата подчеркнул, что Гоголь «был первым последовательно православным автором»[1]. С другой стороны, можно рассматривать в аспекте ритуальных публичных практик, которыми сопровождались подготовка, обнародование и распространение издания. Оба обозначенных аспекта взаимосвязаны. В этом смысле Собрание сочинений стало не только православным ответом вульгарному социологизму, но и примером вторжения религиозного авторитета в «поле политики» в целях укрепления межнациональных политических отношений между Украиной и Россией на православной основе. Подчёркивалась объединительная роль гоголевского наследия, принадлежащего русскому и украинскому народам и являющегося частью общего прошлого. Главным источником информации о ходе работы над Собранием сочинений, особенно на этапе его завершения, была пресс-служба Московской Патриархии, а именно ее официальный сайт.

Начало работы над Собранием сочинений благословляет Святейший Патриарх Кирилл. После завершения работы Блаженнейший митрополит Киевский Владимир удостаивает за заслуги перед Православной церковью и отечественной культурой В.А. Воропаева, И.А. Виноградова и других членов рабочей группы орденом преподобного Нестора Летописца I степени[2]. Издательский итог этого проекта был связан с «организацией» его вхождения не в научный и образовательный контекст, а именно в общественно-политический. Общая концепция форм презентации отличалась предельной назидательностью со стороны института церкви. С одной стороны, избирательно были выбраны площадки для презентации первых томов Собрания сочинений. Избирательность была представлена в форме «православного изоляционизма» – ориентации на подготовленную верующую аудиторию. В ноябре 2009 г. в Москве в Центральном выставочном зале «Манеж» на VIII церковно-общественной выставке-форуме «Православная Русь – к Дню народного единства» состоялась презентация первых томов. В марте 2010 г. Собрание сочинений было представлено на XIII национальной выставке-ярмарке «Книги России», к которой было приурочено празднование Дня православной книги. С другой стороны, был проведен ряд мероприятий, рассчитанных именно на высокопоставленных общественно-политических деятелей. Презентация издания состоялась в Киеве в апреле 2009 г. На ней присутствовали Ю.В. Тимошенко, занимавшая на тот момент пост премьер-министра Украины, и В.С. Черномырдин,

---

[1] Патриаршее обращение к читателям Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/814704.html (дата обращения: 24.12.2019).

[2] Орден преподобного Нестора Летописца – это награда Украинской православной церкви. Орден установлен для награждения епископата, духовенства, мирян, государственных деятелей, журналистов, писателей, поэтов и педагогов, за личный вклад в издательскую, церковно-литературную и писательскую деятельность, а также за распространение светлых идеалов православия в общественно-политической жизни Украины. Орденом награждаются граждане Украины и иностранные граждане.

исполнявший роль посла России на Украине. Сертификаты на данное Собрание сочинений – это отдельный сюжетный ход в распространении тиража. Первый тираж (насколько нам удалось установить, он пока единственный) был запланирован небольшой – всего 1000 экземпляров. При этом предполагалось его разделить поровну между Украиной и Россией, и распространяться он должен был по подписке. В то же время было запланировано 200 именных сертификатов (тоже пополам), которые были подписаны Предстоятелем Русской православной церкви. В июле 2009 г. патриарх Кирилл на встрече в Киеве вручил президенту Украины В.А. Ющенко сертификат за номером один. В дальнейшем видные политические, общественные и церковные деятели, мастера культуры, образовательные и культурные учреждения, ведущие библиотеки России и Украины получали их из рук Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира.

Таким образом, откровенный гоголевский пафос периода «Выбранных мест из переписки с друзьями» в распространении тиража усилил ритуальный ореол вокруг этого издания. Ореол, который обнажил включение фигуры Гоголя и его творчества в религиозный литературный канон, который по сути своей стремился нивелировать светские литературные каноны – русский и украинский.

Третий издательский проект связан с выходом Собрания сочинений Н.В. Гоголя в семи томах на украинском языке, которое было подготовлено сотрудниками Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины [76]. Первый том был издан в 2008 г., а последний в 2012 г. Все тома содержат пометку, что издание приурочено к 200-летию со дня рождения классика. В состав редакционной коллегии вошли украинские филологи М.Г. Жулинский (председатель редакционной коллегии), П.В. Михед (зам. председателя редакционной коллеги и составитель всех томов), А.Я. Бельдий, С.А. Гальченко, Н.Р. Мазепа, Д.С. Наливайко и др. Издание обозначено как литературно-художественное, оно не преследует академической цели, не претендует на полноту, на объективный и исчерпывающий комментарий художественных текстов, учитывающий достижения современного гоголеведения. Это Собрание сочинений можно рассматривать как своеобразное завершение издательского проекта, который не был до конца реализован в пик украинского культурного ренессанса в 1920–1930-е гг. [77]. В процессе подготовки Полного собрания сочинений Гоголя на украинском языке были переведены и выпущены отдельными томами повести из всех трех гоголевских циклов: «Вечера», «Миргород» и «Петербургские повести». Не вышли в свет переводы поэмы «Мертвые души» и драматургических текстов «Ревизор» и «Женитьба». Но, как отмечает И.И. Колесник, в литературно-аналитических статьях отразилась редукция культурных и национальных ценностей на фоне увеличения идеологических интерпретаций с учетом теории классовой борьбы [67]. В этом смысле это издание не стало торжеством украинского гоголеведения того периода.

Почти все переводы на украинский язык, выполненные для первого Собрания сочинений Гоголя, вошли в новый семитомник. Исключение составляют переводы духовной прозы, принадлежащие П.В. Михеду («Выбранные места из переписки с друзьями», «Искусство есть примирение с жизнью», «Размышления о духовной литургии» и др.). Преемственность двух этих издательских проектов весьма показательна. Общую цель этих издательских проектов можно рассматривать двояко. С одной стороны, это подчеркивание языкового потенциала национального языка. Потенциала, который дает возможность приобщения к иноязычной литературе на базе национального языка. Эта логика сохраняется в современной культурной политике Украины и особенно наглядно проявляется в школьной программе по литературе, в которой вся мировая классика и современная иноязычная литература изучаются на украинском языке. С другой стороны, учитывая особый пограничный статус Гоголя, можно в этой стратегии обозначить попытку его украинизации. В то же время подобный тип «украинизации» не гарантия «канонизации». В силу того, что украинский канон имеет языковой принцип построения (это наглядно видно на примере канонической роли Шевченко), гоголевское место в нём на основании имеющихся переводов будет иметь псевдоязыковой статус.

В современных украинских «каноностроительных» дискуссиях, в которых решается проблема гоголевского языкового билингвизма в плоскости оппозиции «наш – не наш», существуют разные позиции. Одновременно есть и категорическое отрицание Гоголя как национального писателя из-за его неумения или нежелания писать на украинской мове, и есть попытки его оправдать. Гоголевский случай, как показывает Ю.Я. Барабаш, в своих обзорных статьях [9, 78], – это случай без вины виноватого. По мнению исследователя, Гоголь не мог писать на украинском языке в силу объективной причины – несформированности на тот момент литературного украинского языка, отсутствия в нём необходимой художественной зрелости. Но в этой защитной логике Ю.Я. Барабаша не учитывается очевидное обстоятельство, что Гоголь и Шевченко современники, и Шевченко как писатель состоялся именно в стихии национального языка[1].

В этом запущенном механизме украинизации творческого наследия Гоголя через издание нового Собрания сочинений на украинском языке скорее обозначились вопросы теоретико-переводческого характера. Вопросы,

[1] В контексте этого разговора стоит отметить, что в мировой практике есть примеры «каноностроительства» поверх языковых барьеров без переводческих манипуляций. Очень яркий пример с еврейским каноном, который был собран Р. Вайс. Основанием для определения какого-либо произведения как «еврейского», по мнению Р. Вайс, является не язык, на котором оно написано, а его содержание и этнокультурная самоидентификация автора [79]. Рассматривая в этом ключе этнокультурное содержание произведений как принцип формирования канона – альтернативный языковому, необходимо ответить на вопрос об исследовательских механизмах подобного типа текстов. Вопрос безусловно перспективный в свете своеобразного исследовательского бума мультикультурной литературы.

которые получили далеко не исчерпывающие ответы в подготовленном собрании сочинений. Но в этом ракурсе обнаруживается существенный недостаток издания – полное отсутствие сведений о переводчиках гоголевских произведений, с одной стороны, и обоснование критериев отбора именно этого перевода на фоне всех остальных – с другой. В примечании имеется отдельный раздел «Українські переклади і видання», в котором просто перечисляются все имеющиеся переводы начиная с 1860-х гг. и заканчивая современностью и отсутствует информация о переводчиках и их переводческих стратегиях.

В юбилейный 2009-й гоголевский год этот издательский проект не вызвал мощную волну дискуссий в российском пространстве в отличие от отдельных переизданий на украинском языке повести «Тарас Бульба»[1]. Повесть была выпущена в начале 2000-х гг. известными украинскими неакадемическими коммерческими издательствами «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА»[2] (Киев) и «Кальварія»[3] (Львов). Общий вектор издателей – это упор на первую редакцию повести «Тарас Бульбы», в которой более очевидно проступают истинные, с точки зрения издателей, национально-политические пристрастия Гоголя. Можно также отметить, что оба издательства стратегически близки в ориентации на своего потенциального читателя, что находит отражение в серийном контексте издания повести.

Издательство «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» выпустило повесть «Тарас Бульба» вместе с повестями «Ночь перед Рождеством» и «Вий» на украинском языке в серии «***Книги, які здолали час***» (Книги, которые преодолели время), в которую вошла традиционная детская мировая классика, тоже переведённая на украинский язык («Приключения Тома Сойера», «Алиса в стране чудес», «Путешествие Гулливера» и «Крошка Цахес»). В этом издательском жесте очевидно помещение гоголевских произведений в контекст обязательного детского чтения именно на украинском языке. Опубликованные издательством переводы гоголевских повестей не новые, все они относятся к первой трети XX в. «Ночь перед Рождеством» – это перевод

---

[1] «Тарас Бульба под желтой обложкой», «Неправильный Гоголь», «Берем пилу и пилим Гоголя пополам», «Подмены текстов Гоголя одобрены?», «Как Гоголя делить будем?» и т.д. – перечень подобных называний в российской прессе можно продолжать до бесконечности.

[2] «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА» – это первое частное издательство детской литературы на Украине, основанное в 1992 г. в Киеве украинским поэтом И.А. Малковичем. В середине 2000-х гг. одним из самых масштабных проектов издательства стал «Гарри Поттер», полностью переведенный на украинский язык (11 книг). На тот момент издательство выпускало книги и на русском и на украинском языке. Но русскоязычные книги шли под грифом «без права продажи на Украине». Сейчас выпускаются только книги на украинском языке.

[3] Издательство «Кальварія» было основано 1991 г. во Львове П. Мацкевичем. В 1993 г. оно начало осуществлять собственную издательскую программу, взяв курс на издание отечественной художественной литературы. С 1995 г. издание украиноязычных книг стало основным направлением его работы.

Н. Рильского (1878–1932), «Вий» – П. Панча (1891–1978)[1]. Основу издания повести «Тарас Бульба» составил перевод Н. Садовского (Тобилевича) (1856–1932), выполненный в 1910 г. Современную редакцию этого перевода осуществили сам издатель И. Малкович и профессиональный переводчик Е. Попович. На сайте своего издательства Малкович обосновал как свою позицию выбора переводов, так и принципов их редакторской обработки в современном социокультурном контексте. Перевод Н. Рыльского «Ночи перед Рождеством» (1929) издатель определяет как конгениальный гоголевскому тексту. В это обоснование *конгениальности* вносится ремарка относительно языкового мученичества Гоголя, вынужденного писать свои произведения на русском языке. Перевод Н. Садовского издатель не определяет как конгениальный, отмечая по гамбургскому счету, что он «найкращий з тих, які маємо» (лучший из того, что есть). Издатель выпускает украиноцентричную редакцию повести, в которой сохранены и количественно усилены замены гоголевских слов «Русь» и «русский» на «Украина» и «украинский». В этих переводческих обстоятельствах редактор обозначил, что все претензии русской стороны к идеологической составляющей перевода – это «деукраїнізація» Гоголя, в процессе которой проявляется стремление представить Гоголя «апологетом российского империализма». Итоговое резюме Малковича относительно национального и писательского статуса: «Микола Гоголь – це геніальний український митець, який став класиком російської літератури»[2].

Издательство «Кальварія» в 2005 г. выпустило новый перевод повести, который осуществил Василий Шкляр, по мнению многих литературных критиков, «батька українського бестселера». Издание вышло с подзаголовком «Микола Гоголь – Тарас Бульба – першотвір» (Николай Гоголь – Тарас Бульба – подлинник) и с предисловием переводчика, который представляет редакцию повести 1835 г. как истинную, которая в дальнейшем была исправлена под давлением официальной русской критики, так как повесть была слишком «украинской». Но при этом переводческом жесте Шкляр высказывается весьма сурово в отношении пограничного языкового и культурного статуса Гоголя. В интервью на Радио Свобода Украина в передаче, посвященной языковым вопросам на Украине, Шкляр подчеркнул, что «Николая Гоголя никогда не считал украинским писателем. Он, бесспорно, украинский язык знал. Но это был хоть и гений, но все-таки ренегат. Он ушел в другую культуру. Там он чувствовал себя комфортнее, и там он эволюционировал полностью в малоросса»[3]. А повесть «Тарас Бульба», ее две редакции, это для писателя яркий пример, отражающий «эволюцию гения к малороссу». Отмечая отсутствие необходимости пере-

[1] Этот же перевод опубликован в Полном собрании сочинений на украинском языке, о котором мы говорили ранее в статье.

[2] Сайт издательства: URL: http://abababalamaha.com.ua/uk/ІВАН_МАЛКОВИЧ._Від_редактора:_декілька_зауваг_щодо_перекладу_«Тараса_Бульби»

[3] Тарас Марусик “Розмова на часі”. Письменник і мова. URL: https://www.radiosvoboda.org/a/910379.html (дата обращения: 24.12.2019).

вода всей русской классики на украинский язык, Шкляр настаивает, что «Гоголь – это отдельный вопрос, тем более “Тарас Бульба”. Не Чичиков, а Бульба. Он должен зазвучать на украинском языке»[1].

Заслуживает внимания также «серийный» контекст первого выпуска перевода повести Шляра. В 2005 г. издательство «Кальварія» запустило проект, ориентированный на подготовку бинарной серии книг «INDIVIDUEL подлинник». Идея проекта состояла в подборке книжных пар, при которой книжные герои разных эпох являлись бы отражением друг друга во времени и пространстве. Первой «парой» стал шкляровский перевод повести «Тарас Бульба» и его же роман «Элементал». В российской прессе серийный контекст издания этого перевода В. Шляра совершенно не учитывался и в дискуссионном поле, посвященном украинизации Гоголя, не обсуждался. Шквал упрёков был именно со стороны украинской литературной критики, которую, мягко говоря, настораживало сопоставление несопоставимого. В то же время были попытки аналитического разбора сути диалога между писателем XIX в. и современным. О.Д. Будугай отмечает, что оба произведения объединяет идейный замысел, связанный с осмыслением черт украинской ментальности, которые прочно укоренены в национальных украинских генах и составляют основу родовой памяти [80]. Этот серийный диалог не получил продолжения. Последующие переиздания повести были осуществлены уже в других издательствах. Политическую окраску перевод В. Шкляра приобрел в контексте частого упоминания и в российской и в украинской прессе о том, что этот перевод очень разгневал В. Черномырдина, который на тот момент был послом России на Украине. Информационное поле, созданное российскими журналистами вокруг переводческого вопроса, который обострился в канун празднования 200-летнего юбилея, усилило его политический характер. В иное русло этот нацио центрический крен в обсуждении вопроса украинской переводческой рецепции Гоголя переводили мнения привлекаемых экспертов, которые давали художественную оценку этому явлению.

Ю.В. Манн в своем интервью отметил: «*Я убежден, что такие переводы наносят Гоголю исключительно только вред <…> украинская стихия органично входит в ранние гоголевские произведения. Она ложится на гоголевскую языковую палитру и оставляет на ней очень яркие пятна. В этом суть многоцветья и многоголосья гоголевского стиля. При переводе на украинский язык теряется обаяние украинизмов в тексте. Все становится одноцветным. На русском фоне гоголевская украинская речь звучит гораздо сильнее…*»[2].

Вторит Ю.В. Манну и Ю.Я. Барабаш: «*Ясно, что при любом переводе отход от оригинала и связанные с этим потери так или иначе неизбежны, но в случае Гоголя они особенно болезненны, потому что чреваты стирани-*

---

[1] Гоголь оказался сиротой. URL: https://www.svoboda.org/a/1515982.html (дата обращения: 24.12.2019).

[2] Ревизор-2009. URL: https://rg.ru/2009/04/01/mann.html (дата обращения: 24.12.2019).

ем уникальности русско-украинской языковой дихотомии («пестрого месива»), стандартизацией неповторимого гоголевского языка, по существу – как ни странно это прозвучит утратой украинской составляющей. Ведь эстетическая функция последней раскрывается именно и только в консептивном контрапункте с русским компонентом языковой дихотомии» [9].

В. Звиняцковский тоже обозначил свою точку зрения, которая по отношению к двум предыдущим экспертам является «внутриукраинской»: «*Гоголь по-украински – это все-таки зарубежный писатель. Что теряется в украинском переводе? Как ни смешно, теряется украинскость, теряются украинизмы. Потому что, например, "Вечера на хуторе" написаны же на суржике. Почему они написаны на суржике? Потому что на суржике говорят, они говорят на русско-украинской смеси, это так задумано Гоголем, что его повествователи не знают ни правильного русского, ни правильного украинского языка*»[1].

В продолжение «внутриукраинской» точки зрения можно привести мнение П. Михеда. В составленном им Собрании сочинений представлен перевод повести «Тарас Бульба», выполненный А. Хуторяном (1892–1955) в 1952 г. и базирующийся на второй редакции. В комментарии П. Михеда к этому переводу помимо информации историко-литературного характера добавляется комментарий к новым переводам повести. Исследователь обращается к дискуссионному вопросу о замене «русского» на «украинский» и «козацкий» [76. Т. 2. С. 222]. «В этом переводе русская земля переведена как «руська земля», что в языковом контексте «Повести временных лет» и Слова и Полку Игореве» « <…> обозначает малую Русь, сердцевинную ее часть. Именно к этой семантике уже в форме «русская земля», тяготеет и Гоголь» [3. С. 105].

Таким образом, выявленные нами юбилейные издательские сюжеты обозначили три стратегии присвоения Гоголя в русском и украинском канонах. Российский издательский научно-академический сюжет – это формирование репутации на основании достижений современного гоголеведения, которое выходит далеко за пределы российских научных штудий. В этом случае создается реноме классика мирового уровня. Второй издательский сюжет, связанный с православным гоголеведением, явил пример канонизации почти в прямом смысле этого термина. В православно ориентированном Собрании сочинений выявилась стратегия создания репутации Гоголя как православного писателя, существующего поверх национально-политических барьеров. Третий издательский сюжет, связанный с украинизацией Гоголя посредством перевода, демонстрирует переиздание старых переводов гоголевских произведений на украинский язык и фокусировку на повести «Тарас Бульба»[2]. Получается, что формируется репута-

[1] Гоголь оказался сиротой. URL: https://www.svoboda.org/a/1515982.html (дата обращения: 24.12.2019).

[2] Пример с премьерой фильма В.В. Бортко «Тарас Бульба» в юбилейный год, которая буквально стала причиной международного скандала между Россией и Украиной. Скандала, в котором отразилось стремление Украины предотвратить прочтение гоголевской повести, не вписывающегося в программу украинского национализма.

ция Гоголя именно как автора «правильной» украинской повести и нивелируется почти весь основной корпус текстов.

Литература

1. *Бурдье П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

2. *Михед П.В.* Гоголь в канонах украинской и русской культур (замечания о проблеме). URL: http://domgogolya.ru/science/researches/1133/ (дата обращения: 24.12.2019).

3. *Михед П.В.* «Приватизация» Гоголя?: Возвращаясь к «русско-украинскому вопросу» // Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 94–112.

4. *Звиняцковский В. Я.* «Дополнительный канон» Гоголя: стратегия украинизации // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 148–159.

5. *Ковалева Ю.Н.* «Мученик перекрестков»: споры о Гоголе и русско-украинском вопросе в публикациях последних лет // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2006. Вып. 5. С. 142–148.

6. *Видурите И.* Украинский Гоголь // LITERATŪRA. 2006. № 48 (2). С. 56–65.

7. *Рыбаков С.* Николай Гоголь между Украиной и Россией // Урал. 2009. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/ural/2009/12/nikolaj-gogol-mezhdu-ukrainoj-i-rossiej.html (дата обращения: 24.12. 2019).

8. *Барабаш Ю.Я.* Диалектика национального и общечеловеческого как гоголеведческая проблема. URL: http://domgogolya.ru/science/researches/1494/ (дата обращения: 24.12.2019).

9. *Барабаш Ю.Я.* «Своего языка не знает...», или Почему Гоголь писал по-русски? URL: http://domgogolya.ru/science/researches/1429/ (дата обращения: 24.12.2019).

10. *Воропаев В.А.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. История государства Российского. 2002. № 1. С. 12–15.

11. *Воропаев В.А.* Жива вера – жив народ: Н.В. Гоголь и русско-украинский вопрос // Православная беседа. 2002. № 1. С. 53–55.

12. *Акимова М.С.* «Гоголь, или Провинциал в столице»: от Малороссии к Петербургу // Научный диалог. 2017. № 6. С. 113–124.

13. *Вдовин А.В.* Годовщина смерти литератора как праздник // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) / hrsg. von A. Graf. München : UTZ Verl., 2010. С. 81–93.

14. *Черняк М.А.* Литературный юбилей как форма культурной памяти в современной России: случай Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 27–36.

15. *Анисимова Е.Е.* В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Ст. 1: Время юбилеев, пространство власти, механизмы конструирования поэтической биографии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24).С. 71–89.

16. *Анисимова Е.Е.* В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883-1902). Ст. 2: Торжества 1902 г.: совмещение юбилеев, стратегии автоканонизации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 53–60.

17. *Загидуллина М.В.* Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема: Творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 552 с.

18. *Невская Д.Р.* Три фазиса увенчания Гоголя: К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филологический вестник. 2013. № 1 (24). С. 106–139.

19. *Полонский В.* Взгляд на столетие сто лет спустя, или Гоголь в 1909 году: вековой юбилей писателя по материалам русских газет // Новое литературное обозрение. 2010. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vzglyad-na-stoletie-sto-let-spustya-ili-gogol-v-1909-godu-vekovoj-yubilej-pisatelya-po-materialam-russkih-gazet.html (дата обращения: 24.12.2019).

20. *Грякалова Н.Ю.* XX век открывает Гоголя (Гоголевские дни 1909) // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011. С. 681–696.

21. *Муравьева О.С.* Два юбилея: (Пушкин, Гоголь и русское общество) // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб., 2011. С. 667–681.

22. *Черняк М.А.* Гоголь как национальный проект: взгляд из 2009 года // Библиотечное дело. 2009. № 8 (98). С. 44–48.

23. *Колесник (Дрогобыч) А.В.* Н.В. Гоголь в современной Украине // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 201–206.

24. *Moeller-Sally S.* Gogol's Afterlife: the Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia. Evanston, 2002. 208 p.

25. *Розанов И.Н.* Литературные репутации. М., 1990. 485 с.

26. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Страда В.* Литература и общество: введение в социологию литературы. М. : РГГУ, 1998. 80 с.

27. *Дубин Б.В., Гудков Л.Д.* Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 350 с.

28. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 448 с.

29. *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 330 с.

30. *Шовен П.-М.* Социология репутаций // Отечественные записки. 2014. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2014/1/6sch.html (дата обращения: 24.12.2019).

31. *Гронас М.* Диссенсус. Война за канон в американской академии 80–90-х годов // Новое лит. обозрение. 2001. № 51. С. 6–17.

32. *Guillory J.* Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago : University of Chicago Press, 1993. 659 p.

33. *Altieri C.* Canons and consequences: Refl ections on the ethical force of imaginative ideals. Evanston, 1990. 370 p.

34. *Блум Г.* Западный канон: Книги и школа всех времен. М. : Новое лит. обозрение. 2017. 672 с.

35. A*cta* Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. 345 с.

36. *Дубин Б.В.* К проблеме литературного канона в нынешней России // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. ст. М., 2010. С. 66–76.

37. *Проблемы* каноничности русской литературы: теория, эволюция, перевод : сб. статей / под ред. К. Ястшембской, М. Охняк, Э. Пилярчик. Краков : Scriptum, 2017. 173 с.

38. *Мегрелишвили Т.* Русский литературный канон в зеркале современности // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 35–49.

39. *Рыбальченко Т.Л.* Жизнь канона в разных формах апелляции к русской классике современных русских писателей (стилизация, метатексты, деконструкция, римейк и пр.)// Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 75– 90.

40. *Манолакев Х.* Многоликий канон: история русской классической литературы после перестройки // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 301–311.

41. *Киселев В.С.* Что почитать, или Осколки канона: классика в коммерческих электронных библиотеках рунета // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 3. С. 57–77.

42. *Вепне Л.А.* Школьный «литературный канон»: стоит ли вносить изменения? // Вопросы педагогики. 2019. № 5-1. С. 41–49.

43. *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы. Ч. 1: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 71–92.

44. *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы: купель без ребенка // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2016. № 5. С. 125–145.

45. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. : Алетейя, 2000. 260 с.

46. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М. : НЛО, 2010. 248 с.

47. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : Рос. полит. энцикл., 2011. 664 с.

48. *Киселёв В.С., Васильева Т.А.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 3 (23). С. 63–79.

49. *Киселёв В.С., Васильева Т.А.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (Статья вторая. «Необходимо снизойти под кровлю селянина...») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 61–77.

50. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (Статья третья. «Между Польшей и Россией») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 102–123.

51. *Бак С., Кодола В., Шовкопляс Г.* Тарас Шевченко і український літературний канон // Українська література в загальноосвітній школі. 2014. № 6. С. 39–41.

52. *Грабович Г.* Шевченко, якого не знаємо. Київ, 2000. 317 с.

53. *Забужко О.* Шевченків міф України: Спроба філософського аналізу. Київ, 2009. 146 с.

54. *Байдалова Е.В.* Тарас Григорьевич Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2014. № 9. С. 141–151.

55. *Ковбасенко Ю.И.* Тарас Шевченко і український літературний канон (традиційність і новаторство поетичної саморефлексії) // Рідна мова: освітній квартальник Українського вчительського товариства у Польщі. Валч, 2014. № 21. С. 29–35.

56. *Лотман Ю.М.* О русской литературе классического периода: Вводные замечания // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.

57. *Сухих И.Н.* Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, № 3. С. 329–336.

58. *Вдовин А.В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Tartu, 2011. 238 с.

59. *Еремеева С.* Бронзовый век российской словесности: памятники писателям в рамках практики монументальной коммеморации. М., 2009. 52 с.

60. *Левит М.Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб. : Академический проект, 1994. 265 с.

61. *Барабаш Ю.Я.* «Наш» или «не наш»?: Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 144–180.

62. *Барабаш Ю.Я.* От берега – к горизонту: Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 135–165.

63. *Барабаш Ю.Я.* Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья. (восприятие и интерпретации). Ч. 1 // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. М., 2005. С. 123–161.

64. *Барабаш Ю.Я.* «Анти-» и «Пост-»: Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 165–201.

65. *Барабаш Ю.Я.* Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья. Ч. 2: Три Юрия, или пейзаж после битвы // Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы. М., 2007. С. 65–96.

66. *Булкина И.* Нежинский круг и «фантастическая реальность»: Обзор юбилейной украинской «гоголианы» // Новое литературное обозрение. 2010. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/1/nezhinskij-krug-i-fantasticheskaya-realnost.html (дата обращения: 24.12.2019).

67. *Колесник І.І.* Гоголь у культурно-інтелектуальній історії україни:міфи та стереотипи (до 200-річчя Миколи Гоголя) // Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 135–160.

68. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М. : Наука, 2001. Т. 1. 918 с.; 2003. Т. 2. 911 с.; 2009. Т. 3. 1015 с.; 2012. Т. 7, кн. 1. 804 с., 2012. Кн. 2. 886 с.

69. *Манн Ю.В.* Гоголь: академический, полный // Studia Litterarum: научный журнал. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 205–215.

70. *Джулиани Р.* Новое академическое издание «Мертвых душ», или Торжество Филологии / пер. О. Лебедевой // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 369–380.

71. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. Москва ; Киев : Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

72. *Михед П.В.* «У истоков “православного гоголеведения”: Пантелеймон Кулиш» URL: http://domgogolya.ru/science/researches/1564/ (дата обращения: 24.12.2019).

73. *Лепахин В.В.* Важнейшее событие в гоголеведении в юбилейном году писателя // Челябинский гуманитарий. 2010. № 3 (12). С. 63–66.

74. *Воропаев В.А.* Новое о Гоголе: источниковедческий обзор // Литературный факт. 2017. № 5. С. 427–438.

75. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений : в 9 т. М. : Русская книга, 1994. Т. 1–2. 496 с.; Т. 3–4. 560 с.; Т. 5. 608 с.; Т. 6 559 с., Т. 7. 617 с., Т. 8. 864 с., Т. 9. 784 с.

76. *Гоголь М.В.* Зібрання творів : у 7 т. Киев : Наукова думка, 2008. Т. 1. 257 с.; 2008. Т. 2. 240 с.; 2008. Т. 3. 200 с.; 2008. Т. 4. 232 с.; 2009. Т. 5. 343 с.; 2009. Т. 6. 353 с.; Т. 7. 376 с.

77. *Прохоренко Є.Є.* Про видання творів Миколи Гоголя українською мовою на рубежі 20–30-х років XX століття // Література та культура Полісся. Ніжин, 2008. Вип. 41. С. 23–36.

78. *Барабаш Ю.Я.* Почва и судьба: о языковой дихотомии у Гоголя // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 5. С. 3–10.

79. *Вайс Р.* Современный еврейский литературный канон: Путешествие по языкам и странам М. : Мосты культуры, 2007. 512 с.

80. *Будугай О.Д.* Діалог у часі й просторі героїв твору М. Гоголя «Тарас Бульба» та В. Шкляра «Елементал»: аксіологічний та історіософський аспекти. // Література та культура Полісся. 2009. Вип. 53. С. 30–38.

Gogol’s Literary Reputation: Between Two Canons (On the Material of the 200th Anniversary of the Birth of the Writer in 2009). Article 1

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 68. 213–242. DOI: 10.17223/19986645/68/10

Vera Yu. Bal, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: balverbal@gmail.com

Keywords: Nikolay Gogol, literary canon, anniversary, monument to the classic, sociology of literature

The article discusses the principles of the formation of Nikolay Gogol’s literary reputation on the material of events dedicated to the 200th anniversary of Gogol’s birth in 2009. The literary anniversary is considered as a social genre, which occupies a special place among other commemorative practices. In both cultural spaces, Russian and Ukrainian, there is a revival of the tradition of the literary anniversary in the early 2000s. In this situation of the reactualization of previous cultural practices, there is a restoration tendency to “nationalize

anniversaries" and use them for political purposes. By the example of the biographical and literary Gogolian myths formed in the anniversary context, the problem of the existence of a classic image at the crossroads of two literary canons – Russian and Ukrainian – is actualized. The revealed anniversary publishing stories outlined three strategies for appropriating Gogol in Russian and Ukrainian canons. The first publishing plot, the Russian publishing academic project, edited by Yu.V. Mann, is the formation of a reputation based on the achievements of modern Gogol studies, which go far beyond the boundaries of Russian studies. In this case, a world-class classic is created. The second publishing plot, connected with Orthodox Gogol studies, sets an example of canonization almost in the literal sense of the term. In the "Orthodox" collected works, a strategy emerged to build the reputation of Gogol as an Orthodox writer, existing over the national and political barriers. The inclusion of Gogol and his works in the religious literary canon in essence seeks to level out Russian and Ukrainian secular literary canons. The composition of the working team for the publication of this *Collected Works* does not reflect the unification of the research efforts of Russian and Ukrainian Gogol studies. The dominance of the "field of religion" over the "research field" determined the leading role of V.A. Voropaeva and I.A. Vinogradov, as representatives of religious Gogol studies, in the team. The third publishing story, connected with the Ukrainianization of Gogol through translation, demonstrates the re-release of old translations of Gogol's works into Ukrainian. This *Collected Works* can be considered as a kind of a completion of the publishing project, which was not fully implemented at the peak of the Ukrainian cultural renaissance in the 1920s and 1930s. The second obvious direction of Ukrainian publishing practices is focusing on translated editions of the novel *Taras Bulba*. This novel creates the reputation of Gogol as the author of the novel, which is important for the complex of nationalist ideas of modern Ukraine.

References

1. Bourdieu, P. (2000) Pole literatury [Field of Literature]. Translated from French. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 45. pp. 22–87.

2. Mikhed, P.V. (2013) *Gogol' v kanonakh ukrainskoy i russkoy kul'tur (zamechaniya o probleme)* [Gogol in the canons of Ukrainian and Russian cultures (notes on the problem)]. [Online] Available from: http://domgogolya.ru/science/researches/1133/. (Accessed: 24.12.2019).

3. Mikhed, P.V. (2003) "Privatizatsiya" Gogolya? Vozvrashchayas' k "russko-ukrainskomu voprosu" ["Privatization" of Gogol? Returning to the "Russian-Ukrainian question"]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 94–112.

4. Zvinyatskovskiy, V.Ya. (2010) "Dopolnitel'nyy kanon" Gogolya: strategiya ukrainizatsii ["Additional Canon" by Gogol: the strategy of Ukrainization]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 104. pp. 148–159.

5. Kovaleva, Yu.N. (2006) "Muchenik perekrestkov": spory o Gogole i russko-ukrainskom voprose v publikatsiyakh poslednikh let ["Martyr of Crossroads": Disputes about Gogol and the Russian-Ukrainian question in publications of recent years]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika – Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*. 5. pp. 142–148.

6. Vidurite, I. (2006) Ukrainskiy Gogol' [Ukrainian Gogol]. *LITERATŪRA*. 48 (2). pp. 56–65.

7. Rybakov, S. (2009) Nikolay Gogol' mezhdu Ukrainoy i Rossiey [Nikolay Gogol between Ukraine and Russia]. *Ural*. 12. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/ural/2009/12/nikolaj-gogol-mezhdu-ukrainoj-i-rossiej.html. (Accessed: 24.12.2019).

8. Barabash, Yu.Ya (2006) *Dialektika natsional'nogo i obshchechelovecheskogo kak gogolevedcheskaya problema* [Dialectics of the National and the Universally Human as a Gogol Studies Problem]. [Online] Available from: http://domgogolya.ru/science/researches/1494/. (Accessed: 24.12.2019).

9. Barabash, Yu.Ya. (2010) *"Svoego yazyka ne znaet...", ili pochemu Gogol' pisal po-russki?* ["Doesn't know his own language . . ." or why did Gogol write in Russian?]. [Online] Available from: http://domgogolya.ru/science/researches/1429/. (Accessed: 24.12.2019).

10. Voropaev, V.A. (2002) Gogol' i "russko-ukrainskiy vopros" [Gogol and the "Russian-Ukrainian question"]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo.* 1. pp. 12–15.

11. Voropaev, V.A. (2002) Zhiva vera – zhiv narod. N.V. Gogol' i russko-ukrainskiy vopros [Faith lives – people live. N.V. Gogol and the Russian-Ukrainian question]. *Pravoslavnaya beseda*. 1. pp. 53–55.

12. Akimova, M.S. (2017) "Gogol or Provincial in the Capital": from Ukraine to Saint Petersburg. *Nauchnyy dialog*. 6. pp. 113–124. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-113-124

13. Vdovin, A.V. (2010) Godovshchina smerti literatora kak prazdnik [The anniversary of the death of a writer as a holiday]. In: Graf, A. (ed.) *Festkultur in der russischen Literatur* (18. bis 21. Jahrhundert). München: UTZ Verl. pp. 81–93.

14. Chernyak, M.A. (2015) Literary Jubilee as the Form of Cultural Memory in Present-Day Russia: The Case of Vsevolod Ivanov. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 27–36. (In Russian).

15. Anisimova, E.E. (2013) V.A. Zhukovsky Between Two Jubilees (1833–1902): Article 1. Time of Jubilees, Space of Power, Mechanisms of Designing Poetical Biography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 71–89. (In Russian).

16. Anisimova, E.E. (2013) V.A. Zhukovsky Between Two Jubilees (1833–1902): Article 2. Festivities of the Year 1902: Combination of Jubilees, Strategies of Self-Canonisation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). pp. 53–60. (In Russian).

17. Zagidullina, M.V. (2002) *Klassicheskie literaturnye fenomeny kak istoriko-funktsional'naya problema: Tvorchestvo A.S. Pushkina v retseptivnom aspekte* [Classical literary phenomena as a historical and functional problem: A. Pushkin's ouevre in the receptive aspect]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.

18. Nevskaya, D.R. (2013) Three Stages of Recognition and Crowning. On the History of Gogol's First Jubilees. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 1 (24). pp. 106–139. (In Russian).

19. Polonskiy, V. (2010) Vzglyad na stoletie sto let spustya, ili Gogol' v 1909 godu: vekovoy yubiley pisatelya po materialam russkikh gazet [A look at the century a hundred years later, or Gogol in 1909: the writer's centenary based on materials from Russian newspapers]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 3. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vzglyad-na-stoletie-sto-let-spustya-ili-gogol-v-1909-godu-vekovoj-yubilej-pisatelya-po-materialam-russkih-gazet.html. (Accessed: 24.12.2019).

20. Gryakalova, N.Yu. (2011) [The twentieth century discovers Gogol (The Gogol days of 1909)]. *Fenomen Gogolya* [The Phenomenon of Gogol]. Proceedings of the Jubilee International Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of N.V. Gogol. Saint Petersburg: Petropolis. pp. 681–696. (In Russian).

21. Murav'eva, O.S. (2011) [Two anniversaries (Pushkin, Gogol and Russian society)]. *Fenomen Gogolya* [The Phenomenon of Gogol]. Proceedings of the Jubilee International Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of N.V. Gogol. Saint Petersburg: Petropolis. pp. 667–681. (In Russian).

22. Chernyak, M.A. (2009) Gogol' kak natsional'nyy proekt: vzglyad iz 2009 goda [Gogol as a national project: a view from 2009]. *Bibliotechnoe delo.* 8 (98). pp. 44–48.

23. Kolesnik (Drogobych), A.V. (2012) N.V. Gogol' v sovremennoy Ukraine [N.V. Gogol in modern Ukraine]. In: Budagova, L.N. (ed.) *N.V. Gogol' i slavyanskie literatury* [N.V. Gogol and Slavic Literatures]. Moscow: Indrik. pp. 201–206.

24. Moeller-Sally, S. (2002) *Gogol's Afterlife: The Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia*. Evanston: Northwestern University Press.

25. Rozanov, I.N. (1990) *Literaturnye reputatsii* [Literary reputations]. Moscow Sovetskiy pisatel'.

26. Gudkov, L.D., Dubin, B.V. & Strada, V. (1998) *Literatura i obshchestvo: vvedenie v sotsiologiyu literatury* [Literature and society: an introduction to the sociology of literature]. Moscow: RSUH.

27. Dubin, B.V. & Gudkov, L.D. (2004) *Literatura kak sotsial'nyy institut. Stat'i po sotsiologii literatury* [Literature as a social institution. Articles on the sociology of literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

28. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

29. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii* [How Pushkin became a genius]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

30. *Chauvin*, P.-M. (2014) Sotsiologiya reputatsiy [The sociology of reputations]. Translated from French. *Otechestvennye zapiski.* 1. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/oz/2014/1/6sch.html. (Accessed: 24.12.2019).

31. Gronas, M. (2001) Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoy akademii 80–90-kh godov [Dissensus. The War for the Canon in the American Academy of the 1980s–1990s]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 6–17.

32. Guillory, J. (1993) *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation.* Chicago: University of Chicago Press.

33. Altieri, C. (1990) *Canons and consequences: Reflections on the ethical force of imaginative ideals.* Evanston: Northwestern University Press.

34. Bloom, H. (2017) Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

35. Vdovin, A. & Leybov, R. (eds) (2013) *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie, IKh. Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskiy kanon* [Acta Slavica Estonica IV. Works on Russian and Slavic philology. Literary criticism, IX. Anthology texts: Russian pedagogical practice of the 19th century and the poetic canon]. Tartu: University of *Tartu* Press.

36. Dubin, B.V. (2010) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [The Classic, after it and next to it: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 66–76.

37. Yastshembskaya, K., Okhnyak, M. & Pilyarchik, E. (eds) (2017) *Problemy kanonichnosti russkoy literatury: teoriya, evolyutsiya, perevod* [Problems of the canonicity of Russian literature: theory, evolution, translation]. Krakow: Scriptum.

38. Megrelishvili, T. (2013) Russkiy literaturnyy kanon v zerkale sovremennosti [Russian literary canon in the mirror of the present]. *Toronto Slavic Quarterly.* 44. pp. 35–49.

39. Rybal'chenko, T.L. (2013) Zhizn' kanona v raznykh formakh apellyatsii k russkoy klassike sovremennykh russkikh pisateley (stilizatsiya, metateksty, dekonstruktsiya, rimeyk i pr.) [Life of the canon in different forms of contemporary Russian writers' addressing the Russian classics (stylization, metatext, deconstruction, remake, etc.)]. *Toronto Slavic Quarterly.* 44. pp. 75– 90.

40. Manolakev, Kh. (2013) Mnogolikiy kanon: istoriya russkoy klassicheskoy literatury posle perestroyki [The many-sided canon: the history of Russian classical literature after Perestroika]. *Toronto Slavic Quarterly*. 44. pp. 301–311.

41. Kiselev, V.S. (2016) What to Read, or the Debris of Canon: The Classics in Commercial Electronic Libraries of Runet. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 3. pp. 57–77. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/12/5

42. Veppe, L.A. (2019) Shkol'nyy "literaturnyy kanon": stoit li vnosit' izmeneniya? [The school "literary canon": is it worth making changes?]. *Voprosy pedagogiki.* 5-1. pp. 41–49.

43. Pavlovets, M.G. (2016) Shkol'nyy kanon kak pole bitvy. Chast' pervaya: istoricheskaya rekonstruktsiya [The school canon as a battlefield. Part One: Historical Reconstruction]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture.* 2. pp. 73–92.

44. Pavlovets, M.G. (2016) Shkol'nyy kanon kak pole bitvy: kupel' bez rebenka [The school canon as a battlefield: a font without a child]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture.* 5. pp. 125–145.

45. Miller, A.I. (2000) "*Ukrainskiy vopros" v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.)* [The "Ukrainian question" in the policy of the authorities and in Russian public opinion (second half of the 19th century)]. Saint Petersburg: Aleteyya.

46. Miller, A.I. (2010) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism Essays on the Methodology of Historical Research]. Moscow: NLO.

47. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

48. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2013) Evolution of Image of Ukraine in Imperial Literature of the First Quarter of 19th Century: Regionalism, Ethnography, Politicization (Article I). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 3(23). pp. 63–79. (In Russian).

49. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2013) Evolution of Image of Ukraine in Imperial Literature of the First Quarter of the 19th Century: Regionalism, Ethnography, Politicization. Article 2. "Neobkhodimo Snizoyti Pod Krovliu Selianina" (It Is Necessary to Descend Under a Villager's Roof). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 6(26). pp. 61–77. (In Russian).

50. Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2014) Evolution of the Image of Ukraine in the Imperial Literature of the First Quarter of the Nineteenth Century: Regionalism, Ethnography, Politicization. Article 3. "Between Poland and Russia". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(27). pp. 102–123. (In Russian).

51. Bak, S., Kodola, V. & Shovkoplyas, G. (2014) Taras Shevchenko i ukraïns'kiy literaturniy kanon [Taras Shevchenko and the Ukrainian literary canon]. *Ukraïns'ka literatura v zagal'noosvitniy shkoli*. 6. pp. 39–41.

52. Grabovich, G. (2000) *Shevchenko, yakogo ne znaemo* [The Shevchenko we do not know]. Kyiv: Kritika.

53. Zabuzhko, O. (2009) *Shevchenkiv mif Ukraïni. Sproba filosofs'kogo analizu* [The Shevchenko Myth of Ukraine. An attempt of philosophical analysis]. Kyiv: Fakt.

54. Baydalova, E.V. (2014) Taras Hryhorovych Shevchenko in the modern Ukrainian culture: an attempt of "reset". *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium.* 9. pp. 141–151. (In Russian).

55. Kovbasenko, Yu.I. (2014) Taras Shevchenko i ukrains'kiy literaturniy kanon (traditsiynist' i novatorstvo poetichnoï samorefleksiï) [Taras Shevchenko and the Ukrainian literary canon (tradition and innovation of poetic self-reflection)]. *Ridna mova: osvitniy kvartal'nik Ukraïns'kogo vchitel's'kogo tovaristva u Pol'shchi*. Valch. 21. pp. 29–35.

56. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian literature]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.

57. Sukhikh, I.N. (2016) Russian Literary Canon of the 20th Century: Shaping and Functions. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 17 (3). pp. 329–336. (In Russian).

58. Vdovin, A.V. (2011) *Kontsept "glava literatury" v russkoy kritike 1830-1860-kh godov* [The concept "chief of literature" in the Russian criticism of the 1830s–1860s]. Tartu: Tartu University Press.

59. Eremeeva, S. (2009) *Bronzovyy vek rossiyskoy slovesnosti: pamyatniki pisatelyam v ramkakh praktiki monumental'noy kommemoratsii* [The Bronze Age of Russian Literature: Monuments to Writers within the Practice of Monumental Commemoration]. Moscow: HSE.

60. Levitt, M.C. (1994) *Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880]. Translated from English. Saint Petersburg: Akademicheskiy proekt.

61. Barabash, Yu.Ya. (2004) "Nash" ili "ne nash"? Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya ["Ours" or "Not Ours"? Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora]. *Voprosy literatury.* 1. pp. 144–180.

62. Barabash, Yu.Ya. (2005) Ot berega – k gorizontu. Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya [From the coast to the horizon. Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 135–165.

63. Barabash, Yu.Ya. (2005) Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya. (vospriyatie i interpretatsii). Chast' I [Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora. (perception and interpretation). Part I]. In: *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary diaspora: Faces. Books. Problems]. Vol. 3. Moscow: *A.M.* Gorky Institute of World Literature RAS. pp. 123–161.

64. Barabash, Yu.Ya. (2006) "Anti-" i "Post-". Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya ["Anti-" and "Post-". Gogol in the literature consciousness of the Ukrainian diaspora]. *Voprosy literatury.* 2. pp. 165–201.

65. Barabash, Yu.Ya. (2007) Gogol' v literaturnom soznanii ukrainskogo zarubezh'ya. Chast' II. Tri Yuriya, ili peyzazh posle bitvy [Gogol in the literary consciousness of the Ukrainian diaspora. Part II. Three Yuris, or landscape after the battle]. In: *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary diaspora: Faces. Books. Problems]. Vol. 6. Moscow: *A.M.* Gorky Institute of World Literature RAS. pp. 65–96.

66. Bulkina, I. (2010) Nezhinskiy krug i "fantasticheskaya real'nost'" Obzor yubileynoy ukrainskoy "gogoliany" [The Nezhinsky circle and "fantastic reality". Review of the jubilee Ukrainian "Gogoliana"]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 1. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/1/nezhinskij-krug-i-fantasticheskaya-realnost.html. (Accessed: 24.12.2019).

67. Kolesnik, I.I. (2009) Gogol' u kul'turno-intelektual'niy istoriï ukraïni:mifi ta stereotipi (do 200-richchya Mikoli Gogolya) [Gogol in the cultural and intellectual history of Ukraine: myths and stereotypes (To the 200th anniversary of Nikolay Gogol)]. *Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal*. 2. pp. 135–160.

68. Gogol, N.V. (2001–2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 23 t.* [Complete works and letters: In 23 volumes]. Vols 1–3, 7. Moscow: Nauka.

69. Mann, Yu.V. (2016) Gogol: academic and complete. *Studia Litterarum.* 1 (3-4). pp. 205–215. (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-205-215

70. Giuliani, R. (2014) Novoe akademicheskoe izdanie "Mertvykh dush", ili Torzhestvo Filologii [The new academic edition of "Dead Souls", or the Triumph of Philology]. Translated from Italian by O. Lebedeva. *Voprosy literatury*. 4. pp. 369–380.

71. Gogol, N.V. (2009–2010) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 volumes]. Moscow; Kyiv: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii.

72. Mikhed, P.V. (2005) *U istokov "pravoslavnogo gogolevedeniya": Panteleymon Kulish* [At the origins of "Orthodox Gogol studies": Panteleimon Kulish]. [Online] Available from: http://domgogolya.ru/science/researches/1564/. (Accessed: 24.12.2019).

73. Lepakhin, V.V. (2010) Vazhneyshee sobytie v gogolevedenii v yubileynom godu pisatelya [The most important event in Gogol studies in the writer's anniversary year]. *Chelyabinskiy gumanitariy.* 3 (12). pp. 63–66.

74. Voropaev, V.A. (2017) New about Gogol: a source study. *Literaturnyy fakt – Literary Fact*. 5. pp. 427–438. (In Russian). DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-427-438

75. Gogol, N.V. (1994) *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected works: In 9 volumes]. Moscow: Russkaya kniga.

76. Gogol, M.V. (2008–2009) *Zibrannya tvoriv: U 7 t.* [Collected works: In 7 volumes]. Kyiv: Naukova dumka.

77. Prokhorenko, E.E. (2008) Pro vidannya tvoriv Mikoli Gogolya ukraïns'koyu movoyu na rubezhi 20–30-kh rokiv XX stolittya [On the publication of Mykola Gogol's works in Ukrainian at the turn of the 1930s]. *Literatura ta kul'tura Polissya*. 41. pp. 23–36.

78. Barabash, Yu.Ya. (1993) Pochva i sud'ba. o yazykovoy dikhotomii u Gogolya [Soil and destiny. On linguistic dichotomy in Gogol]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 52 (5). pp. 3–10.

79. Wisse, R. (2007) *Sovremennyy evreyskiy literaturnyy kanon: Puteshestvie po yazykam i stranam* [The Modern Jewish Canon: A Journey Through Language and Culture]. Translated from English. Moscow: Mosty kul'tury.

80. Budugay, O.D. (2009) Dialog u chasi y prostori geroïv tvoru M. Gogolya "Taras Bul'ba" ta V.Shklyara "Elemental": aksiologichniy ta istoriosofs'kiy aspekti [Dialogue in time and space of the heroes of Gogol's "Taras Bulba" and V. Shklyar's "Elemental": axiological and historiosophical aspects.]. *Literatura ta kul'tura Polissya*. 53. pp. 30–38.